

Б. С. Мельников-Васильев

Тверской государственной университет, 2 курс, магистратура

Научный руководитель: д.ф.н. С. В. Мкртычян

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

В условиях глобализации владение иностранным языком предполагает не только знание лексики и грамматики, но и способность интерпретировать культурно маркированные смыслы. Юмор отражает ценности сообщества, способы социального взаимодействия и допустимые формы оценки действительности. Именно поэтому обращение к юмористическим речевым жанрам представляется значимым для преподавания иностранного языка, поскольку они выступают как компактные тексты, пригодные для дидактизации.

Актуальность исследования обусловлена тем, что юмор является одновременно универсальным коммуникативным ресурсом и культурно специфичной формой смыслопорождения: интерпретация комического зависит от норм общения, исторического опыта и социальных ожиданий, закреплённых в лингвокультуре. В условиях усиливающихся процессов глобализации это приобретает особую значимость, поскольку в межкультурном взаимодействии юмор может как облегчать коммуникацию и снижать напряжение, так и приводить к недопониманию при недостатке лингвистической и культурной компетентности. Это подтверждает необходимость системного анализа механизмов юмора с опорой на его социальную природу и теоретические модели объяснения [Мельников 2015: 213].

Цель статьи – охарактеризовать особенности юмора в русской, английской и испанской лингвокультурах на основе анализа научных исследований, а также выявить их специфику с учётом основных теорий юмора и историко-социальных факторов.

Объект исследования – юмор в русской, английской и испанской лингвокультурах.

Предмет исследования – национально-культурные особенности юмора в речевых жанрах шутки и анекдота.

В междисциплинарных обзорах наиболее устойчиво выделяются три модели объяснения юмора: теория разрядки (освобождения), теория противоречия/несоответствия и теория превосходства.

При этом подходы трактуются как комплементарные: они описывают разные аспекты явления и могут «тонко дополнять» друг друга. Теория разрядки интерпретирует юмор как механизм «освобождения от напряжения» и «предохранительный клапан» [Мельников 2015: 214].

Теория несоответствия связывает комическое с обнаружением противоречия между ожиданием и результатом и с когнитивной перестройкой смысла [Мельников 2015: 214–215]. Теория превосходства акцентирует социально-оценочный аспект смеха; фиксируется гоббсовская линия «внезапной славы» (sudden glory) как переживания превосходства над другим или ситуацией [Гоббс 2001: 41].

Перейдём к анализу национально-культурной специфики юмора в различных лингвокультурах.

В рамках статьи разграничиваются два типа «малых» юмористических текстов: шутка (краткое юмористическое высказывание/микродиалог, часто ситуативно привязанный) и анекдот – короткий нарративный текст с пуантом (т.е. с неожиданной остроумной концовкой), воспроизводимый в речевой практике. Для русского анекдота исследователи подчёркивают воспроизводимость: в жанре рассказывания анекдота он «не порождается заново, а воспроизводится» [Шмелева, Шмелев 2002: 196]

Важным маркером жанра выступают «метатекстовые вводы» (например, «Слыхал анекдот...?»), которые сигнализируют слушателю рамку «это шутка» и задают режим интерпретации. [Шмелева, Шмелев 2002: 197]. В практике преподавания иностранного языка такие «вводы» элиминированы.

Понятие «национальный характер» в данном случае целесообразно использовать как аналитическую модель для описания культурных норм и ожиданий речевого поведения. Методологически продуктивна идея «культурных скриптов» как общеизвестных норм «что можно/нельзя сказать» и «что считается приемлемым», отражённых в языке и потому доступных научному изучению [Вежбицка 2002: 6]

Перейдём к обсуждению специфики юмора в различных лингвокультурах.

Русский юмор традиционно рассматривается как механизм психологической адаптации к жизненным трудностям. Он нередко окрашен в самоиронию, мягкий абсурд и своеобразный философский фатализм, благодаря чему выступает не только средством развлечения, но и способом внутреннего преодоления напряжения. Например:

«– Папочка, купи мне барабан!»

– Сынок, дай мне отдохнуть, у меня на работе и так много шума.

– Купи, папочка! Я буду играть на нём, когда ты будешь спать».

В данной шутке комический эффект строится на несоответствии между просьбой отца о покое и ответом ребёнка, который формально учитывает эту просьбу, но фактически лишь усиливает проблему. Ирония возникает за счёт перевода бытового раздражения в абсурдно-комический план, что отражает характерное для русского юмора ироническое отношение к повседневным трудностям.

Например, шутка «Когда у меня есть свободное время, я лежу и отдыхаю, а когда его нет - я просто лежу, но с тревогой» строится на

парадоксальном переосмыслении бездействия: внешне ситуация остаётся неизменной, однако эмоциональное состояние героя резко меняется. Комизм возникает за счёт несоответствия между ожиданием продуктивности и признанием собственной пассивности, а также за счёт самоиронического перевода тревоги в бытовую и узнаваемую форму. В реплике «Если жизнь подбрасывает лимоны, сделай из них водку» комический эффект создаётся через ироничное переосмысление общеизвестного клише: вместо традиционной оптимистической реакции предлагается культурно маркированное «русское» решение. Здесь соединяются бытовой символ, ирония и установка на эмоциональную выносливость. Подобные шутки демонстрируют характерную для русской юмористической традиции способность превращать трудности в предмет смеха, а внутреннее напряжение - в форму самоиронического комментария. Такой юмор часто опирается на контекст, предполагает общность жизненного опыта и нередко вызывает не только смех, но и сочувственное узнавание.

Английский юмор в большей степени основан на интеллектуальной игре, языковой точности, сдержанности и ироническом дистанцировании. Он часто реализуется через каламбур, логический сдвиг, двусмысленность и эффект сухой невозмутимой подачи. Так, шутка “*Our weather bureau is actually an umbrella organization*” (Наше метеобюро – это буквально зонтичная организация) строится на двойном значении выражения *umbrella organization*, которое в обычном употреблении обозначает объединяющую структуру, но в данном контексте актуализирует и буквальное значение слова *umbrella* - «зонт». Комический эффект возникает благодаря полисемии и неожиданному переключению между абстрактным и конкретным значением. Не менее показателен пример “*What do you call a sunny day in London? A miracle.*” (Как называют солнечный день в Лондоне? Чудом.), где юмор создаётся за счёт гиперболизации устойчивого представления о лондонской погоде: солнечный день описывается как нечто почти невероятное. В этой краткой реплике сочетаются культурно узнаваемый фон, лаконизм и типичная для английского юмора сухая ирония. Ещё один пример - “*I told my doctor I broke my arm in two places. He said, ‘Don’t go to those places anymore.’*» (Я сказал врачу, что сломал руку в двух местах. Он ответил: «Не ходите больше в эти места»). Здесь комизм строится на буквальном переосмыслении слова *places*: пациент имеет в виду участки тела, а врач притворно интерпретирует его как обозначение географических мест. Подобные шутки хорошо отражают особенности английской юмористической традиции, в которой важную роль играют тонкость, интеллектуальность, кажущаяся серьёзность и скрытая логическая нестыковка.

Испанский юмор нередко строится на языковой игре, многозначности и эффекте неожиданного переосмысления. Показательным примером служит шутка «¿Cuál es el colmo de un doctor? Que su hija se llame Dolores» (Что для врача было бы верхом иронии? Если бы его дочь звали Долорес). Комизм

строится на совмещении имени собственного *Dolores* и нарицательного значения слова *dolores* - «боли». Механизм шутки основан на языковом несоответствии и переосмыслении привычного контекста: имя, обычно воспринимаемое нейтрально, в данном случае неожиданно соотносится с профессиональной сферой врача. Юмористический эффект усиливается за счёт лаконичности формы и характерной для испанского юмора игры на двойных значениях.

Близкий механизм наблюдается в шутке «*¿Qué hace un pez? Nada*» («Что делает рыба? Ничего / Плавает»), основанной на двусмысленности слова *nada*, которое может означать как «ничего», так и форму глагола *nadar* - «плавать». Комический эффект достигается здесь за счёт предельной лаконичности и мгновенного переключения между двумя значениями одного слова. Ещё один пример - «*¿Cuántas estrellas hay en el cielo? Cincuenta*» («Сколько звёзд на небе? Пятьдесят»), где юмористический эффект строится на фонетическом сближении *cincuenta* и *sin cuenta* («без счёта», «несчётное количество»). В данном случае комизм требует внимательности к звучанию и демонстрирует характерную для испанского юмора склонность к лёгкому каламбуру. Более развёрнутый пример представляет реплика «*La nueva cocinera es un sol. - ¿Cocina bien? - No, lo quema todo*» (Новая повариха - просто солнце. - Она хорошо готовит? - Нет, она всё сжигает). Здесь комизм основан на переосмыслении выражения *ser un sol*, которое обычно употребляется в значении «быть замечательной, прелестной», тогда как в пунте актуализируется буквальное значение солнца как того, что жжёт и обжигает. Подобные шутки показывают, что испанская юмористическая традиция тяготеет к выразительности, разговорной лёгкости и игровому использованию многозначности слова.

Юмор в русской, английской и испанской лингвокультурах сочетает универсальные механизмы (несоответствие, разрядка, элементы превосходства) и культурно-специфичные нормы «о чём и как шутят», формируемые социальным и историческим контекстом: русский юмор трудно передать из-за его культурной глубины и метафоричности; английский требует адаптации идиом и логики; испанский же, напротив, наиболее универсален – он понятен за счёт визуальности и звуковой выразительности. Эти особенности следует учитывать при преподавании иностранных языков: некритичное использование юмора может привести к недопониманию, тогда как грамотно подобранные материалы могут способствовать формированию гибкого культурного мышления и коммуникативной эмпатии.

ЛИТЕРАТУРА

Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2002. 288 с.

Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.

Дмитриев А. В., Сычев А. А. Смех. Социофилософский анализ. М.: Альфа-М, 2005. 594 с.

Мельников С. С. Социология юмора: к критике трех фундаментальных теорий смешного // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 213–217.

Шмелева Т. В., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 240 с.

Shilikhina K. Canned jokes in Russian political discourse // Journal of Language and Politics. 2013. Vol. 12. № 1. P. 83–102.

Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1985. 284 p.

Kuipers G. Sociology of Humour // The Primer of Humour Research / ed. by V. Raskin. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. P. 361–398.

Morreall J. Comic Relief: A Comprehensive Philosophy of Humor. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. 208 p.

Billig M. Laughter and Ridicule: Towards a Social Critique of Humor. London: Sage, 2005. 272 p.

Oring E. Engaging Humor. Urbana: University of Illinois Press, 2003. 210 p.